

що виявляється в переслідуванні й обмеженні свободи тих, хто відстоює незалежність; отже, суб'єктивність – це процес, а суб'єктивність підданського суб'єкта – це процес, який передбачає обмеження свободи, при цьому за допомогою інституцій цього ж суб'єкта; тому цей суб'єкт направляє свою активність на відстоювання залежності від іншого.

Бібліографічні посилання

1. **Бергсон А.** Творческая эволюция / А. Бергсон. – М.: КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998. – 384 с.
2. **Делез Ж.** Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму. Критическая философия Канта: учение о способностях. Бергсонизм. Спиноза / Ж. Делез. – М.: ПЕРСЭ, 2001. – 476 с.
3. **Фуко М.** Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / М. Фуко. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

Надійшла до редколегії 28.12.09

УДК 141.1

В. С. Гордиенко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ И. ИЛЬИНА

Виділено основні положення мистецтва читання у творчості Івана Ільїна з метою виявлення механізму, що лежить в його основі.

Ключові слова: мистецтво читання, література, текст, значеннєвий зміст.

Выделены основные положения искусства чтения в творчестве Ивана Ильина с целью выявления механизма, лежащего в его основе.

Ключевые слова: искусство чтения, литература, текст, смысловое содержание.

A selection of the major reading skills in the work of Ivan Il'yin, to identify the mechanism of the underlying.

Keywords: art of reading, the literature, the text, the semantic contents.

Чтение и переработка полученной информации, т.е. *критика* – два важных раздела в жизни каждого индивида. Абстрагируясь от причастности этих категорий к области печатной продукции, эти действия (чтение и критика), по большому счету, относятся непосредственно к *жизни* человека, являясь для нее своего рода методами. Навыки *чтения* призваны для получения всякого рода информации, *критика* – для ее переработки, *жизнь* реализует познание на практике, *опыт* обогащает *знаниями*, последние, в свою очередь, выдвигают нас на новый уровень развития. Обобщенно говоря, чтение учит нас познавать, критика – мыслить, жизнь – совершенствоваться. Все вместе составляет путь

духовного оновлення, проходженню і описанню якого посвятив свою життя і произведения Иван Александрович Ильин.

Данная статья, руководствуясь вышеописанным подходом к пониманию чтения и критики, а также, учитывая невозможность адекватной критики без правильного чтения, имеет своей *целью* рассмотрение последних в свете *философии сердца* Ивана Ильина.

Задачей данной статьи является рассмотрение механизма чтения с позиции восприятия текста сердцем.

Актуальность данной проблемы заключается в необходимости поиска альтернативного способа чтения в условиях растущего в геометрической прогрессии потока новой информации.

Новизна исследования состоит в рассмотрении «старой» проблемы (чтения) на «новой» основе (сердца).

В своих произведениях Иван Александрович не раз делает предметом своего исследования проблему чтения и литературной критики. Будучи глубоким и вдумчивым мыслителем, он так же серьезно относился и к проблемам чтения. Последнему он с удовольствием предавался с самого своего детства. Этому свидетельствуют теплые воспоминания мыслителя о книжном шкафу, описанные в одной из частей его знаменитой трилогии, а именно в произведении «Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий».

«Там, внизу, стояли сказки Андерсена и братьев Гримм, которые нам читала бабушка... Позднее появилась история. О, эти часы, когда мне разрешалось читать отцу вслух Плутарха и Светония и когда мне впервые повстречались герои древности! Я брал их с двух верхних полок; и когда я вспоминаю о них, я и сейчас смотрю наверх, туда, где они стояли...» [2, с. 110].

Непосредственному анализу проблемы чтения у философа посвящены: предисловие под заглавием «О чтении» к «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» и введение «О чтении и критике» в «О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев».

Очень интересно, что предисловие к произведению «Поющее сердце. Книга тихих созерцаний» Ильин начинает именно с размышлений о *правильном* чтении, о *правильном* восприятии текста, и это, на мой взгляд, он делает не случайно, т. к. видит в этом, в первую очередь, труд другой личности, которая «болеет» темой и «исцеляется» писанием [1, с. 229–230]. Но в то же время, следует полагать, что этим мыслитель сразу дает понять своему читателю, что то, что стоит под грифом «сердце», не терпит «верхоглядства и пошлости». Он считает, что, несмотря на то что каждый автор «ищет сразу и правды, и красоты, и «точности» (по слову Пушкина), и верного стиля, и верного ритма...» – все это он должен делать и делает «для того, чтобы рассказать, не искажая, видение своего сердца...» [1, с. 230]. Т. о. Ильин сразу дает нам понять, что то, о чем пойдет речь, требует к себе глубокого и внимательного отношения.

Забегая вперед, хотелось бы отметить, что в информационно-ментальном плане это не самое сложное произведение философа (каковой, в принципе, и должна быть литература, посвященная внерациональному пониманию), однако – это действительно глубокое и философское повествование, которое, как с предисловия просит нас автор, должно быть прочитано и воспринято нестандартно, без стерео-

типов и предрассудков, оно должно быть прочувствовано сердцем читателя. Тогда эта скромная «книга тихих созерцаний» оставит свой след и даст свои всходы.

В предисловии «О чтении» Ильин представляет нам свою концепцию *кордоцентрического чтения*, которому он дает такие названия как искусство чтения [1, с. 229], настоящее чтение [1, с. 229], истинное чтение [1, с. 231], противопоставляя его «культуре верхоглядства и потоку пошлости» [1, с. 229]. Первое «происходит совсем иначе и имеет совсем иной смысл...» [1, с. 229], а второе – то, чего опасается каждый автор.

Суть чтения, от которого предостерегает Ильин, заключается в том, что оно представляет из себя механическое соединение букв в слова, слов – во фразы, фраз – в текст, смысл которого в результате являет собой, как говорит сам мыслитель, нечто «подержанное», «расплывчатое, иногда непонятное, иногда приятно-мимолетное» [1, с. 229]. Т.е. вес получаемого посредством такого чтения содержания не представляет из себя никакой ценности, наоборот, он выхлещивает глубину как непосредственно текста, так и самого субъекта подобного чтения. Одним своим поверхностным отношением читатель нивелирует личность автора и его труд, а также «обворовывает» свой внутренний мир.

Акцент на важности внимательного и серьезного отношения к личности «какого-то» автора в начале предисловия является залогом правомерности личной просьбы самого Ильина: «Книга, для которой я пишу это предисловие, выношена в сердце, написана от сердца и говорит о сердечном пении. Поэтому ее нельзя понять в бессердечном чтении» [1, с. 231].

Исходя из этого, обозначим на основе текста Ильина *основные границы концепции кордоцентрического чтения*. Однако перед этим отметим, что размышления о чтении Ильин начинает с утверждения, что «каждый писатель тревожится о том, как его будут читать? Поймут ли? ... Почувствуют ли то, что любило его сердце?» [1, с. 229]. Не этого ли ищет каждый здравомыслящий человек? Большую часть своей жизни мы посвящаем поиску понимания, признания и поддержки. Зачастую под этим мы понимаем и, соответственно, требуем безраздельного внимания к своей личности. Когда же дело касается другого, то наше понимание сводится к принуждению и тотальному контролю, который мы называем любовью и заботой. На этом и заканчивается вся свобода, и ни о каком созидательном отношении не может уже быть и речи. А тем не менее, как пишет Ильин в первой главе к «Поющему сердцу...»: «Только созерцающая любовь открывает нам чужую душу для верного, проникновенного общения, для взаимного понимания, для дружбы, для брака, для воспитания детей» [1, с. 234].

Для всех тем, интересующих этого мыслителя, была свойственна та самая созерцательная любовь. Она же является первым и основным отношением к объекту нашего исследования – к чтению. Соблюдение этого условия дает возможность перейти к более подробному рассмотрению концепции чтения Ильина.

1. Для начала обрисует, со слов мыслителя, портрет «настоящего читателя» [1, с. 230]. Это должен быть не обязательно грамотный человек, но он должен отдавать книге все свое свободное внимание, все свои душевные способности и умение вызывать в себе верную для понимания этой книги духовную установку (см. [1, с. 230]).

2. Берясь за книгу, читатель в первую очередь видит «шифр» из «мертвых» [1, с. 230] черных крючков, связки из «общеизвестных и поблекших слов» [там же],

картину из «общедоступных образов», скрываемых за отвлеченными понятиями. Из всего этого, как говорит Ильин, читатель должен самостоятельно добыть «жизнь, яркость, смысл и дух» [там же]. Это, по его словам, позволит воспринимающему, ни много ни мало, – воссоздать в себе то, что было заложено самим создателем.

3. Суть настоящего чтения противоположна «бегству напечатанных слов через сознание» [1, с. 230], оно также не ограничивается одним рассудком и пустым воображением [там же]. Оно требует «сосредоточенного внимания и твердого желания верно услышать голос автора» [там же]. Текст «надо чувствовать сердцем и созерцать из сердца» [там же]. Всю гамму предлагаемых автором чувств и эмоций необходимо прочувствовать соответствующими чувствительностями с адекватной на них реакцией, а не отвлеченно и умозрительно.

4. Самым важным и тонким, а главное, на мой взгляд, требующим в дальнейшем личной ответственности, положением во всей этой концепции чтения является решимость доверчиво отдаться душевному акту писателя (см. [1, с. 230]). Ильин говорит, что «великая идея может потребовать не более и не менее как всего человека» [1, с. 230]. Не всем можно и нужно «доверчиво отдаваться», тем более когда речь идет о душе и сердце. Однако, как дальше пишет философ, «только при этом условии состоится желанная встреча между обоими и читателю откроется то важное и значительное, чем болел и над чем трудился писатель» [1, с. 230].

Рассматривая этот пункт концепции, на мой взгляд, необходимо оставаться предельно осторожным и внимательным к возвышенным словам о «необходимости доверчиво отдаться душевному акту писателя» и «претензии» «великой идеи» на «всего» человека. Подобная позиция может привести к нежелательным последствиям, а именно – к излишней заинтересованности какими-то оригинальными идеями автора, которые, в конечном итоге, могут быть отнюдь не такими истинными, как может показаться на первый взгляд. Безусловно, на ошибках можно учиться, но не всегда сущность подобных заблуждений раскрывается вовремя. А это приводит к впадению в эти заблуждения и постепенно начинает отражаться на жизни читателя, неизбежно изменяя направление ее пути. И, так как философия сердца призвана не заводить человека в тупик, а открывать перед ним невидимые двери истины, то подобное искажение, вызванное неправильным пониманием и применением идей данного раздела рассматриваемой концепции, непременно будет противоречить непосредственной цели кордоцентрического чтения, а именно – *выходу из иллюзий потока информации в реальность жизни.*

Последний, но немаловажный, комментарий по поводу этого подраздела заключается в том, что чтение сердцем всегда связано с поиском или присутствием Живого Бога. И приведенное выше утверждение Ильина о том, что важным в исканиях читателя должно быть открытие того, «чем болел и над чем трудился писатель», не должно и не может относиться к постулатам философии сердца, но лишь являться промежуточным звеном, через которое, быть может, читатель выйдет на понимание Слова Божьего. В противном случае, подобная цель читателя, вынесенная Ильиным как главная – не имеет никакого отношения к кордоцентризму.

5. «Художественное ясновидение», о котором в тексте дальше идет речь, на мой взгляд, должно начинаться именно с сердечного вчувствования или предчувствия того, что может быть прочитано, и только после этого надо принимать решение о том – читать или не читать, а дальше уже вступает в действие меха-

низм того самого художественного ясновидения. Ильин пишет, что оно «призвано и способно верно и полно воспроизвести духовные видения другого человека, жить в них, наслаждаться ими и обогащаться ими» [1, с. 231].

Итак, в этом подпункте, помимо «художественного ясновидения», предложенного Ильиным, необходимо ввести предшествующий этому этап, дав ему название *сердечного вчувствования* или *предчувствия*. Это, на мой взгляд, делает концепцию более последовательной. И это напрямую связано со следующим разделом концепции чтения Ильина.

б. «Чтение должно быть углубленным; оно должно стать творческим и созерцательным» [1, с. 231]. При этом под творчеством Ильин понимает то, что надо «искать и находить» в читаемом «скрытый писателем духовный клад» и воспроизводить его [1, с. 231]. А что касается созерцательности, то она призвана открыть читателю духовную ценность и душеобразующую силу чтения.

Выводы Ильина: 1) по мнению философа, последний из выделенных нами пунктов концепции позволит читателю делать правильный выбор произведений и 2) даст понять то обстоятельство, что существует «чтение, углубляющее душу человека и строящее его характер, а есть чтение разлагающее и обессиливающее» [1, с. 231].

Вывод мыслителя о том, что «каждый из нас есть то, что он читает; и каждый человек есть то, как он читает» и что мы все «становимся незаметно тем, что мы вычитываем из прочтенного», на мой взгляд, немного запоздалый и он был бы более актуален для пятого пункта, а точнее – для *сердечного вчувствования* или *предчувствия*, о котором мы говорили.

Итак, в своей концепции чтения Ильин относит момент правильного выбора литературы к тому уровню, когда читатель уже развил в себе искусство чтения. Но, на мой взгляд, это больше свойственно рациональной последовательности вещей, когда для того чтобы сделать правильно, сначала необходимо этому научиться. В ситуации, когда человек руководствуется сердцем, подобное происходит повсеместно, поскольку сердце для «выдачи» ответа не нуждается ни в каком посредничестве нервных окончаний, работы мысли и чего-либо подобного. Это отличает его от разума и поэтому, на мой взгляд, это обязательно должно быть отмечено в такой важной и глубокой концепции чтения, которую предложил Ильин.

Обозначим кратко главные положения выделенной нами концепции кордоцентрического чтения Ильина. Для начала читатель «должен» соответствовать определенному портрету. Следующим пунктом должно быть стремление читателя воссоздать смысловое содержание, заложенное в текст самим автором. Обязательным условием является внимательное сосредоточение и созерцание сердцем. А также правильное отношение к роли создателя воспринимаемого текста, основанное на правильном понимании вопроса влияния личности автора на текст и влияния последнего на читателя. Художественное ясновидение должно начинаться именно с *сердечного вчувствования* или *предчувствия* того, что может быть прочитано. И как итог, чтение должно быть углубленным, оно должно стать творческим и созерцательным, что поможет открыть читателю духовную ценность и душеобразующую силу чтения.

Подводя итог своему анализу этого отрывка работы, хотелось бы отметить, что это размышление Ильина о чтении столь малых размеров являет собой яркий пример кордоцентрического письма, т. к. на трех страницах предисловия к

книге мыслитель смог выразить глубокую и полную концепцию. Его слова и выражения столь емки и точны, что для того чтобы прокомментировать их, надо гораздо больше. Это иллюстрирует тот факт, что общение сердцем может иметь минимальное вербальное выражение, но при этом максимальное содержание.

Последнее, что хотелось бы отметить по поводу проблемы чтения Ильина – это то, что эта концепция настолько проникновенна и глубока, что ее положения смело можно было бы перенести на межличностные отношения. Где автор – это другой, собеседник. Тогда искусство чтения книг преобразится в искусство понимания бытия и другого. Ведь то неумение читать, о котором говорил философ, касается не одних только книг, оно также актуально и по отношению к дружбе, любви, учебе, творчеству и вообще жизни.

Как в обучении пению у самоучки Ф. Шаляпина, как в обучении навыкам чтения детей дошкольного возраста у В. Сухомлинского, так и в искусстве кордоцентрического чтения у И. Ильина в основе лежит импульс метафизического восприятия. Для выдающегося певца это восприятие имело название «интонации», для учеников В. Сухомлинского основой были глубокие переживания природных явлений, для кордоцентрической концепции чтения И. Ильина – это глубинное вчувствование сердцем, внутреннее переживание текста.

Текст, который является материалом для чтения состоит из слов. Слово – то, чем сотворил Господь мир. Сердце – орган, являющийся каналом общения с Господом. Таким образом, «искусство чтения» Ивана Ильина, т. е. умение познавать слово через сердце, может быть не чем иным, как приближением к божественной сущности личности, к ее искре.

Начиная с понимания текстов, условно говоря, светского содержания, читатель учится переживать эмоциональные мотивы, руководящие автором. Обращаясь к философским трудам, читатель наравне с мотивами должен уже постигать опыт, пройденный философом, и соотносить это с объективными принципами и универсальными законами мироздания, раскрытием и пониманием, которыми занимается философия. И самой неизмеримой глубиной является чтение сердцем Святого Писания, при котором читателю открывается Воля Божья, Его Слово.

Такова специфика чтения сердцем, или, как это названо у Ильина, «искусства чтения». При этом совсем не обязательно ощутить ее именно в той последовательности, которая была только что представлена. В зависимости от чистоты сердца, не имея какого-либо уровня в философской эрудиции, читателю могут стать ясными «послания» Библии. Только опыт подобного переживания осознания у всех индивидуальный, хоть и имеет общие черты. Однако, ввиду привычности у большинства читателей пропускать новые знания не через сердце, а через рациональную логику, Иван Александрович усложняет их содержание, дабы «облегчить» понимание для рационально мыслящих. Из этого подхода и образуется целая концепция, учение о правильном чтении.

Библиографические ссылки

1. **Ильин И. А.** Поющее сердце. Книга тихих созерцаний / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 3.
2. **Ильин И. А.** Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 3.

3. **Ильин И. А.** О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелев / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. 6.
4. **Ильин И. А.** Основы художества. О совершенном в искусстве / И. А. Ильин // Собр. соч.: в 10 т. – М.: Русская книга, 1996. – Т. 6.
5. **Сухомлинский В. А.** Сердце отдаю детям / В. А. Сухомлинский. – К., 1984.

Надійшла до редколегії 24.12.09

УДК 172.12

І. М. Грабовська

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

КОНЦЕПТИ ЧОЛОВІЧОГО ТА ЖІНОЧОГО В ПОСТКОЛОНІАЛЬНІЙ КУЛЬТУРІ СУЧАСНОЇ УКРАЇНИ: ФІЛОСОФСЬКО-СВІТОГЛЯДНИЙ АНАЛІЗ

Проаналізовано філософсько-світоглядні аспекти функціонування жіночого та чоловічого в постколоніальному просторі української культури. Доведено, що колоніальна культура виробляє специфічний код, де чоловіче й жіноче набувають специфічного символічного значення.

Ключові слова: чоловіче, жіноче, концепт, постколоніалізм, культурний нарратив.

Проанализированы философско-мировоззренческие аспекты функционирования женского и мужского в постколониальном пространстве украинской культуры. Показано, что колониальная культура вырабатывает специфический код, где мужское и женское приобретают специфическое символическое значение.

Ключевые слова: мужское, женское, концепт, постколониализм, культурный нарратив.

In the article analyzes the philosophical and outlook viewpoint aspects of feminine and masculine elements in postcolonial space of Ukrainian culture. Proved that colonial culture produces a specific code, where feminine and masculine elements acquire a particular symbolic meaning.

Keywords: masculine, feminine, concept, postcolonialism, cultural narrative.

Сучасну українську культуру більшість серйозних українських дослідників, котрі дійсно глибоко та всебічно аналізують предмет, визначають як посттоталітарну, постгеноцидну та постколоніальну. Існують, зрештою, і концепції, які до цього часу визначають українське суспільство як колоніальне. Так, одна з провідних дослідниць постколоніалізму О. Забужко стверджує: «Українська культура в цілому сьогодні визначає себе як постколоніальну. Українська культура всередині себе, у своїй гендерній структурі, і далі залишається колоніальною» [6, с. 156].

Три вищезначених «пост» передбачають існування деякої специфічної реальності, що характеризується досить визначеним набором якісних характеристик, які відрізняють таку реальність від «нормальної». В більшості випадків під нормою розуміється певний ідеал сучасного розвиненого цивілізованого європейського суспільства як взірця для теперішньої «недорозвиненої»,